

Узнав горькую правду об их так называемой «дружбе», Пу Яочжи онемел. Разум заволокла звенящая пустота — в первый миг он даже не понял, как должен реагировать. Слезы, до этого дрожавшие на ресницах и готовые вот-вот пролиться, медленно высохли.

Как раз в этот момент прибыла бригада квалифицированных врачей из больницы клана Гун.

Медики в белых халатах, плотных масках, защитных очках и тяжёлой экипировке, сжимая в руках медицинские саквояжи, спешно окружили Гун Чэня.

Первым делом они защёлкнули на запястьях юноши электронные кандалы. Убедившись, что руки высшего альфы обездвижены и больше не представляют угрозы, врачи извлекли из контейнера высокочистый супрессор, предназначенный специально для доминантных альф. Быстро обработав кожу антисептиком, они с предельной осторожностью ввели препарат прямо в его железу.

Обычно хватало одного укола.

Однако случай оказался из ряда вон выходящим: период повышенной восприимчивости начался аномально рано, поэтому единичная доза не подействовала бы. Врачам пришлось ввести препарат трижды.

Железы — как у альф, так и у омег — отличались крайней чувствительностью. Длинная, острая игла трижды впивалась в нежную плоть на заживке; мучительная боль от такой процедуры едва ли поддавалась описанию. Гун Чэнь стиснул зубы, а на его лбу выступила холодная испарина, но он вынес всё без единого звука.

Лишь когда три дозы концентрированного супрессора разошлись по венам, обжигающий жар, терзавший его тело изнутри, наконец начал спадать.

Пока препарат действовал, другой врач ловко промыл и забинтовал раненую руку юноши.

Отступив на несколько шагов, Гун Чэнь с явным отвращением увеличил дистанцию между собой и Пу Яочжи.

— Проверьте состав апельсинового сока в моём столе, — отрезал он ледяным тоном.

Один из медиков почтительно кивнул и тут же удалился.

Спустя полчаса врач вернулся. В его руках блеснул до боли знакомый стеклянный флакон.

Увидев его, Пу Яочжи оцепенел.

Это же... тот самый сок, который он лично вручил Гун Чэню утром? На бутылочке всё ещё белела наклейка, а иероглифы на ней были выведены его собственным почерком.

Оборудование у врачебной бригады было первоклассным. Экспертиза сока не заняла много времени: в жидкости быстро обнаружили следы запрещённого вещества. Изучив тревожные показатели на экране портативного анализатора, врач нахмурился и, обернувшись к юноше, произнёс с глубокой обеспокоенностью:

— Молодой господин, ваши подозрения подтвердились. В напитке обнаружен запрещённый препарат НВ-1. Его предназначение — искусственная стимуляция феромонов альфы, провоцирующая внезапный и преждевременный период повышенной восприимчивости.

Как и следовало ожидать. Гун Чэнь, заранее догадывавшийся о подобном исходе, даже ухом не повёл, когда неопровержимые улики легли перед ним.

Зато Пу Яочжи замер, словно поражённый громом.

Запрещённое вещество? НВ-1? Спровоцировать преждевременный гон у альфы?..

Что за бред?! Он ничего подобного не делал! Он всего лишь выжал свежий сок, как сделал бы любой другой! Он ни за что не стал бы подсыпать эту дрянь!

Наконец разгадав причину столь резкой перемены в поведении Гун Чэня, Пу Яочжи приоткрыл рот, порываясь рассеять чудовищное недоразумение. Но губы его лишь беспомощно дрогнули. Спohватившись, он судорожно сжал челюсти и погрузился в оцепенение.

Заяви он сейчас, что ничего не знал и совершенно ни при чём... разве Гун Чэнь поверит?

Нет. Ни за что.

Да и если бы поверил... что бы это изменило?

С самого начала Гун Чэнь никогда не считал его другом.

А он — ничтожный, дрянной низший бета — просто не имел права на подобную дружбу.

Пу Яочжи надолго замолк.

Для Гун Чэня же эта безучастность стала молчаливым признанием вины. Признанием того, что за этим грязным трюком стоял именно он. Улики неопровержимы, и обвиняемому просто нечего сказать в своё оправдание.

Гун Чэнь издал холодный смешок и медленно поднялся. Он прошёл мимо юноши, даже не удостоив его взглядом. Однако, проходя рядом, бросил ледяное:

— С этого момента не попадайся мне на глаза.

В его тоне звучал непререкаемый приказ, не оставлявший ни единого шанса на возражение.

Пу Яочжи продолжал молчать. Голос отказал ему.

Окружённый целым эскортом квалифицированных медиков, Гун Чэнь с мрачным, каменным лицом покинул школу и направился в больницу.

А Пу Яочжи так и остался стоять в школьном медицинском пункте, надолго потеряв счёт времени.

Неизвестно, сколько прошло времени, пока его не привёл в чувство вернувшийся врач-бета.

Увидев ужасающие кровавые подтёки и раны на руках и теле юноши, врач пришёл в настоящий ужас. Он судорожно вытащил из медицинского шкафчика кровоостанавливающее средство и бинты.

— Батюшки... Я же велел очистить всю территорию в радиусе ста метров! Неужели никто не предупредил, что к школьному медицинскому пункту приближаться смертельно опасно? — непрерывно причитал добродушный врач, параллельно ловко обрабатывая раны на его запястьях.

Закончив перевязку, врач сочувственно поинтересовался:

— Как ты себя чувствуешь? Всё в порядке? Может, выписать тебе справку, чтобы ты съездил в больницу?

Пу Яочжи покачал головой и медленно встал. На его губах застыло жалкое, надрывное подобие улыбки.

— Я... я в норме.

Сделав неверный, шатающийся шаг, он повернулся и пошёл к выходу.

На улице возле медпункта гудел весь корпус. Подобный приказ — очистить радиус в сотню

метров и никому не подходить близко — ясно давал понять: произошло нечто из ряда вон выходящее. Как пить дать, либо у какого-то высшего омеги преждевременно начался период течки, либо кто-то из высших альф преждевременно вошёл в период повышенной восприимчивости. Иначе администрация школы никогда не пошла бы на такие крайности.

Новость о происшествии моментально облетела все классы. И пока ученики гадали, кто же из доминантных альф или омег сумел нагнать такого страха на руководство, к зданию прибыли личные врачи семьи Гун. Целая процессия медиков в полной экипировке — белоснежных халатах и с чемоданчиками в руках — стремительно пронеслась по коридору в сторону медкабинета. С их появлением личность оказавшегося в заточении студента стала очевидна абсолютно всем.

Толпа взорвалась шокированными шепотками:

— Неужели Гун Чэнь?!

— А ведь верно, его как раз не было на уроке...

— У него что, период повышенной восприимчивости начался раньше срока?

— Да ну, бред! У высших альф период повышенной восприимчивости почти никогда не сбывается.

— Вот именно.

— А если... его накачали дрянью?

— Смысл? Он же никогда не прикасается к чужой еде!

— И то правда...

Пересуды были в самом разгаре, когда из дверей вышли врачи. В центре процессии с мрачным, наводящим ужас взглядом шёл Гун Чэнь. Его рука была туго забинтована, лицо смертельно побледнело, а школьная форма запятнана свежей кровью. Окружённый плотным кольцом медиков, юноша выглядел так, будто готов был уничтожить всё живое.

Феромоны, клубившиеся вокруг него, давили с чудовищной силой. Насыщенные феромоны с ароматом красного вина густым штормовым облаком накрыли округу, нависая над присутствующими тяжестью накренившейся скалы.

От столь удушающего давления у всех альф и омег перехватило дыхание; люди застыли, не в силах вымолвить ни слова. Беты, хоть и не ощущали запаха феромонов и не испытывали

физической боли, от одного лишь вида разъярённого доминанта сжались от первобытного страха, покрываясь липким холодным потом.

Тяжёлое, гнетущее напряжение рассеялось лишь спустя долгое время после того, как Гун Чэнь покинул территорию школы.

И именно тогда из дверей школьного медицинского пункта показался Пу Яочжи. Его рука тоже была перемотана бинтами, глаза смотрели в пустоту, а одежда пропиталась кровью.

Вид этой жалкой, израненной фигуры мгновенно расставил всё по своим местам.

Картина вырисовывалась предельно ясная: этот бета только что получил постоянную метку от вошедшего в период повышенной восприимчивости Гун Чэня.

И теперь у всех пазл сложился воедино.

Действительно, Гун Чэнь ни у кого не брал угощений. Но если этим «кем-то» был Пу Яочжи — его сосед по парте и единственный человек, к кому богатый наследник подпустил близко за последний месяц, — всё менялось.

Вывод напрашивался сам собой: Пу Яочжи подсыпал Гун Чэню препарат.

Едва догадка озарила умы толпы, взгляды, устремлённые на Пу Яочжи, наполнились презрением и глубоким отвращением. По рядам прошёл ядовитый шепоток:

— Я с самого начала чуял: этот бета — тварь с двойным дном!

— Охренеть... Он всё это время прикидывался дурачком!

— Чёрт, а ведь я повелся!

— М-да, видать, низшие беты готовы на любую грязь, лишь бы подлезть к высшему альфе вроде Гун Чэня.

— Мразь. Какие же эти низшие беты мерзкие!

— Тьфу! Дрянь!

— Ну и артист! Этому паршивому бете прямо после выпуска надо в кино идти — за премию бороться!

— На себя бы в зеркало посмотрел, ничтожество! Куда он суётся? Неужели думал, что ровня Гун Чэню?

Под шквалом презрительных и полных ненависти взглядов Пу Яочжи, заплетаясь ногами и не замечая ничего вокруг, побрёл к Хуай Ши. Своя пелену стоящих в глазах слёз он попытался выдавить безнадежную, печальную улыбку и тихо, прерывающимся голосом прошептал:

— Ши-Ши, ты ведь веришь мне... Я...

Он искренне верил, что Хуай Ши вступится за него. Был уверен в этом до последней секунды. Но не успел он договорить, как Хуай Ши брезгливо перебил его.

Мальчик нахмурился, и на его лице — точь-в-точь как у Гун Чэня чуть ранее — отпечаталось крайнее отвращение. Смерив его ледяным взглядом, Хуай Ши бросил:

— Что там произошло? Ты действительно подсыпал Гун Чэню дрянь?

Пу Яочжи хотел было возразить, но ему не дали вставить и слова.

— Пу Яочжи, не думал, что ты окажешься настолько мерзким! — продолжил Хуай Ши с брезгливой миной. — Меня просто тошнит от одной мысли о том, что я считал тебя другом!

Пу Яочжи оцепенел.

Пройдясь по нему с презрением, Хуай Ши вдруг прищурился и с подозрением добавил:

— Ты... ты ведь и мне ничего не подсыпал?

Пу Яочжи окончательно лишился дара речи. Он беспомощно ловил ртом воздух, осознавая, что горло сжало спазмом.

А вокруг, словно шипение ядовитых змей, не смолкали злые голоса:

— Мерзость...

— Паршивый бета...

— Ни капли гордости...

— Бессовестная тварь...

— Тоже мне, возомнил о себе...

Пу Яочжи стоял с застывшим, каменным лицом. Горечь достигшего предела отчаяния выжгла все слёзы.

Всё происходящее казалось дурным сном. Чудовищным, непроглядным кошмаром.

Он действительно понятия не имел, откуда взялся этот препарат.

И у него в мыслях не было никаких низменных намерений относительно Гун Чэня.

Он всего лишь... искренне хотел быть ему другом.

Вот только никто не собирался ему верить.

<http://bllate.org/book/20413/2134693>